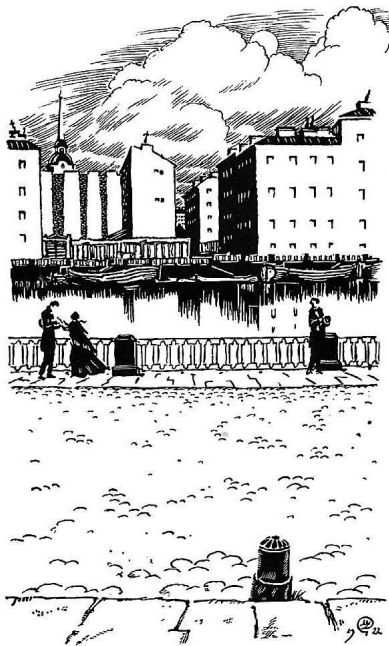

Валерий Дудаков
ПЕРВЫЙ – ПОСЛЕДНИЙ

ЛЮБОВЬ МНОГОЛИКА

КНИГА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Валерий Александрович Дудаков
Первый – последний.
Любовь многолика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63936267

Первый – последний. Любовь многолика:

ISBN 978-5-98604-764-5

Аннотация

«Раньше злыднями не были сроду мы,
Только будто сошли вдруг с ума
И клянём проклятушую родину,
Словно в чём-то повинна она...»

Содержание

Первый – последний	5
Прииму	7
Лучше не грешить	8
По поводу заседания президентского совета по русскому языку	9
Весёлая октябрьская	11
Дачное веселье	12
Барбекю бабьего лета	13
Глядя через осень на эстакаду раменки	15
Взглянув в окно	17
Дорожный билет	18
Пьеса осени	20
Хвост осени	22
Сёра глазами Маяковского	23
Старое пальто	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Валерий
Александрович Дудаков
Первый – последний.
Любовь многолика**

*И зачем-то загорались огоньки,
И текли куда-то искорки реки.
И текли навстречу люди мне, текли...
Я вблизи тебя искал, ловил вдали.*

Вячеслав Иванов «Нищ и светел», 1906

© Дудаков В.А., 2020

Первый – последний

М.В. Добужинский. Иллюстрация к повести Ф.М. Достоевского «Белые ночи». 1922 г.

Прииму

Раньше злыднями не были сроду мы,
Только будто сошли вдруг с ума
И клянём проклятушую родину,
Словно в чём-то повинна она.

Будто всем нам дана в наказание,
Но осмелюсь с опаской сказать,
Что отдали её в растерзание,
Невзлюбив, словно мачеху мать.

Не пылая сыновней любовью,
В озлоблении всех присных призвав,
Можем мы искупить только кровью,
Смыв грехи и из праха восстав.

Но замечу, быть может, некстати я,
Есть страна, есть всеильная власть,
Подменили отчизны понятие
На режим, ныне правящий всласть.

Не на век, и в лихую годину
Пусть всегласно осудит молва,
С нею вместе судьбу я прииму,
Как бы горькой она ни была.

Лучше не грешить

Мы и похуже времена, наверно, знали,
Коль вспомним прошлое – гори оно огнём,
Устали мы от новой лжи и обещаний,
Что лис несёт с его коварной болтовнёй.

Когда-то правил нами вор и уголовник,
Отняв свободу и сгноив её до дыр,
Теперь без кипиша командует полковник,
Генералиссимуса меряя мундир.

Коль кто не с ним, не миновать тому баланды,
У нас свобода, каждый вправе выбирать,
Его так накрепко сколочена команда,
Гонять хоккей, в касанье судьбами играть.

Всё строят, рушат, наплевать, что будет с нами,
Сейчас ли, в будущем, пусть выбор не простой,
Привык он с юности сражаться на татами,
Кто в власть, как тать, забрёл, узнает гнев людской.

Я не пророк, а лишь обычный обыватель,
И не дано вопрос мне «быть иль нет» решить,
Но если в мире справедливость есть, Создатель,
Воздай им должное, чтоб правдой не грешить.

По поводу заседания президентского совета по русскому языку

Язык мы русский славили всем миром,
Не знает кто его, тех просто жаль,
И хоть вчера не шёл на званый пир к нам,
Заставим Даля выучить словарь.

Не каждый любит наш язык могучий,
Хотя давно бы стоило понять:
Средь прочих языков он в мире круче,
Пора их все на русский заменять.

Окружены мы вечными врагами,
Не знают русский, а пора бы знать,
«Едрёну мать» все говорят веками,
Английский «фак» дано не всем понять.

Что суть культур от мощи экономик,
Понятно всем, кто «Капитал» читал,
И даже всем известный в мире гомик
В эпоху Маркса музыку писал.

Порой загадкой Ваши обороты,
Толстых четыре, Пушкина лишь три.
Простите нас, мы, верно, идиоты,

Поскольку счёт понять и не смогли.

Ну что тут спорить, барское ли дело,
С Толстым – понятно, здесь же пра-правнук,
Но Вы сражались яростно и смело
С толпой учёных всяческих наук.

Язык наш – враг наш, дважды два – четыре,
Но Вы стратег, всех лучше и умней,
Сказали как-то: «Их мочить в сортире», —
А вот кого, не помню, хоть убей.

Цветёт страна, и спору нету даже,
Пора бы вспомнить сталинский указ,
Жить стало лучше, каждый русский скажет,
А кто не скажет, значит, против нас.

Весёлая октябрьская

Не могильщик я, не сторожем на кладбище,
Докатился, забулдыга, мол, и пьяница,
Но ушедших вспоминать порою надо же,
Ведь, не ровен час, и мы туда потянемся.

И друзья все друг за другом с лентой строгою,
Не выпендривайся, жди, как полагается,
Там, где друг, туда и враг одной дорогою,
Пусть один удачлив был, другой век маялся.

И в беде бывали вместе мы, и в радости,
Вспомним тех, кого уж нет, пока не чокнулись,
И с бутылкою «Московской» крепкой гадости
Разольём по полстакана враз, не чокаясь.

Век живи и век учись, что век недолог наш,
Тот, кто нас призвал на свет, тому аукнется,
То ль обнимешься ты с кем, иному в морду дашь,
Но не всё же одному и вечно мучиться.

Не Харон на лодке, воз унылый тянется,
Остановки нет, цепочку за цепочкой для,
Может, в будущем кому-то и помянется,
Мы, как вся страна, давно дошли до точки, зря.

Дачное веселье

Дачный покой, шум листвы сквозь узорчье клёнов,
Вновь долгожданный глоток вековой тишины,
Свежесть аллей и дорожек, сосной затемнённых,
Дятел, вороны, собака, что так мне нужны.

Бьёт по стеклу за окном, словно времени метка,
Но метроном не назойлив, знакомый мотив,
И раскрывается веткой незримая клетка,
Словно вспорхнула душа, рой фантазий открыв.

Дело не в праздности лёгкой, свободе от вздора,
Даже не в книгах вечерних, где греет так лист,
А в осознание того, что приблизится скоро,
Но и не так уж и важен мой выход «на бис».

Пусть и последний, все сцены банальны порою,
Жизнь не театр, скорее дурной водевиль,
И представление это невольно закроют
И Арлекин, и Пьеро, о конце заявив.

Встанут родные, друзья, все в молчании строгом,
Аплодисменты прощанья не будут нужны,
Вспомнятся певчие птицы, собака, дорога,
И успокоюсь с глотком вековой тишины.

Барбекю бабьего лета

День бабьего лета словно
Развлечься зовёт чуть-чуть,
И гости разжечь жаровню
Решили для барбекю.

Раздули угли до жару,
Не стоит огонь так злить,
Грозит мировым пожаром,
Придётся слегка залить.

Не сразу сготовят, ясно,
Всему обозначен срок,
И сочные ломти мяса
Разбрызжут вскипевший сок.

Не я шашлыков любитель,
Мне в праздник привычной стол,
И буду пусть лучше зритель,
Коль пир на пикник пошёл.

А гарь не терплю и с детства,
Палёных сороковых,
Закланных на звероедство —
Я б лучше не видел их.

Я русский, не иностранец,
Но жарить – не мой вопрос,
Толстой – вегетарианец,
И Репин жевал силус.

Есть мясо – тут нет и спору,
Коль сил наберёт мужик,
Но день посвящать обжорству
Не стану и не привык.

Но жизнь шагреновой кожей
В событье каждого дня,
Так время убить – ну что же,
Оно не щадит меня.

Глядя через осень на эстакаду раменки

Спалило палевым окрасом
В округе зелень, посмотри,
Уныло, тускло и безгласно
Сквозь ветви нотой фонари.

В порывах ветра облетела
Нарядов золотых листва,
Взгляни, моргнуть мы лишь успели,
А словно осень не была.

А как цветистою палитрой
Нас щедро оделял сентябрь,
Казалось, сказка, только быстро
Его богатство вихрь украл.

Здесь осень Пушкина и проза
Тургенева заключена,
Фантом симфоний Берлиоза,
Вивальди «Года времена».

В круженье звуков лес окрашен,
Печален осени наряд,
И съёжились гармони башен,

Чьи окна-клавиши горят.

Пусть и пришедшему не рады,
Не будем осень зря гневить,
Растянет стрелка эстакады
Нам указанье в путь спешить.

Долой унылые сомненья,
Так благодатны дней мечты,
И будем ждать без сожалений
Душевной снежной чистоты.

Взглянув в окно

Не пожар полыхнул, покраснели от ярости кроны,
Слух прошёл о несчастье, мол, лето сентябрь затравил,
И боярышник красные ссадины в листьях зелёных
Обнажил, словно дробью пробитые раны рябин.

И дрожат эти дни непогоды испуганным зайцем,
По просёлкам ночным, наугад, затаясь в холода,
Кто-то ждёт бабье лето – поди ты его распознай-ка,
Не заметили мы, бабы с возу, кобыла в бега.

Взбеленились ветра и берёзы растрёпанной ветви
Обокрали, под утро к рукам позолоту прибрав,
И нахохлился, перья поджав, куст жасмина наседкой,
Все цвета растеряв, сразу курицей мокрою став.

Что пунктиром дожди, так усердно чертили мы в школе,
В первый класс поступив, в дневнике за погодой следя,
И в окно заглянув, будешь вновь вспоминать поневоле,
Проскользнуло как лето в лета, что догнали тебя.

Дорожный билет

Треплет ветер ветви клёна за порогом,
Это совесть снова спать мне не даёт,
Разметала осень листья по дорогам,
Словно нам билет счастливый даром шлёт.

Что-то память стала подводить с годами,
Вот неважное всплывёт после войны,
Как трамвай бежал Оленьими прудами
И гурьбой цеплялись сзади пацаны.

Всем положено с билетом, в самом деле,
Приблатнённый или просто так нахал,
С грозным взглядом и в погонах на шинели
Безбилетников кондуктор штрафовал.

То не старость, просто осени уловка,
Вспомнив прошлое, как дальше будем жить,
Вот бы знать всё о конечной остановке,
Чтоб заранее трамвай притормозить.

Привыкаем, столько долгих лет терпенья,
Вроде бег, а не туда и не сюда,
И ускорить ход в своём воображенье
Помогает скандинавская ходьба.

Вот найти билет, что всех других дороже,
Убежать в края, где больше повезёт,
Но от странствий не излечит подорожник,
Подорожная в неведомое ждёт.

Пьеса осени

По протянутой нитке дождя
Лист подняться б хотел,
Но не может,
Вот и падает, тихо кружась
И беззвучно, ну что же,
Пусть к земле, коли к небу нельзя.

Грустно струям под ветром косить,
С сожаленьем поплачут,
И листу посочувствует чуть,
Разве стоит иначе
Мимо нас проскользнувшему
Тайную чуткость явить.

Декораций осыпется вязь,
Побледнеет расцветкой,
Оголяет бесстыдная осень
Замёрзшие ветки,
И кукушка отсчитывать дни
Поспешит, затаясь.

И взгрустнёт замороженный сад,
Наблюдая за сценой,
Арлекин ли то машет листом,
Где Пьеро на арене

Плачет, зрителя чтоб рассмешить,
Только всё невпопад.

Хвост осени

Давно живу на даче я без суеты,
Разбудит крик ворон, коль нет им угомона,
И пробивается в шуршании листвы
Незримый зверь, окрас меня по сезону.

Так утро каждое слагается из снов,
Везде развешены таинственные знаки,
Сквозь иероглифы чернеющих стволов
Услышу лай приветливый собаки.

Протоптанной тропой пройду заглохший сад,
Не торопясь, чтоб повода не дать одышке,
И под ногой негромким выстрелом трещат
Сосны игольчатой серебряные шишки.

Рябины терпкий вкус и дух земли сырой,
Погасшим золотом слетает оперенье клёна,
И лист поймав слегка озябшею рукой,
За черенок его послать к зиме в погоню.

Теперь погоды нрав изменчив и непрост,
И с ветром к ночи дождь порошу сеет,
Но зрелой осени октябрьский рыжий хвост
Вильнёт в снега, и разглядеть уж не успеешь.

Сёра глазами Маяковского

*«Que Sera, Sera» —
из модной песни Дорис Дэй*

Я в Лондоне снова, по крайней мере,
Мне кажется, будто я был вчера.
Иду в галерею, «Купанье в Аньере»
Смотреть, этот странный шедевр Сёра.

Один из восьми, но помню другие,
Быть может, и лучше, хотя не факт,
В траве фигуры полунагие,
А кто в одеждах, кто просто так.

Лишь тёплым июлем такое бывает,
Сюжет, как известно, совсем не нов,
Собачка рыжая вовсе не лает,
Тревожить не хочет наплывших снов.

Белеет у кромки берега парус,
Провис над другою трёхцветный флаг,
Неважно, где молодость, зрелость и старость,
Здесь нет различий: богач – бедняк.

Свобода, равенство, вольность братства,
Французов формула – вот, смотри,

Один на другого готов равняться
И плюхнуться в воду на «раз, два, три».

Особое есть у галлов уменье
Вот так легко проводить досуг,
И день, как праздник, в воображенье,
Раскроешь глаза – гам людской вокруг.

Толпой окружили в музее лица,
Не скрою, от зрителей я устал,
А на картине всего их одиннадцать,
Уже давно я их подсчитал.

Вот быть бы двенадцатым вместе с ними,
Бросить мерехлюндию, да чёрт бы с ней,
На травку прилечь на этой картине,
Жаль только жизнь – не поход в музей.

Старое пальто

Его носил я постоянно,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.